

В.В. Пенской (Белгород)

ПОХОД ДМИТРИЯ ЖИЛКИ И ПЕРВАЯ ОСАДА СМОЛЕНСКА РУССКИМИ В 1502 ГОДУ

В истории отношений России и Великого княжества Литовского (позднее Речи Посполитой) «смоленский вопрос» был одним из самых главных и болезненных на протяжении столетий. Так, московские послы весной 1504 г. в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» заявили, что прочному миру между двумя государствами не бывать до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться «...вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города...». Они «...с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина». И литовские послы, после перехода Смоленска под власть Москвы, также обуславливали заключение «Вечного мира» возвращением города под власть великих литовских князей, как это было, например, в 1559 г.¹

Чем было обусловлено такое пристальное внимание Москвы и Вильно к вопросу, в чьих руках пребывает этот старинный город, не вызывает сомнений. Город по праву именовался «ключом Москвы», но вместе с тем точно также мог называться и «ключом Вильно». Как писал отечественный историк В.Н. Малышев: «...для Москвы овладение Смоленском открывало широкие возможности военного и торгового продвижения как на юг — по Днепру в земли Северскую и Киевскую, так и на запад — по Западной Двине в землю Полоцкую». Взяв Смоленск, московские государи делали чрезвычайно важный шаг на пути собирания под своим скипетром «наследия Ярослава Мудрого». Для Литвы же утрата Смоленска неизбежно означала угрозу ускорения распада государственности и ее поглощения по частям неуклонно усиливающимся восточным соседом².

В свете этого становится очевидным, почему после того, как Иван III в ходе серии пограничных конфликтов конца XV в.

сумел отнять у Литвы ряд пограничных, «верховских», земель, его взоры обратились к Смоленску. Обладание этим стратегически важным городом и мощной крепостью не только надежно закрепило бы за ним и его наследниками приобретения предыдущих десятилетий на западе, но и создало бы удобный плацдарм для продолжения наступления на Литву.

Поводом для начала войны для Ивана стало обращение к нему двух северских князей, Семена Можайского и Василия Шемячи-ча, возжелавших перейти на службу великого князя со своими людьми и уделами. Удовлетворив их челобитье, Иван послал в литовские пределы свои полки, и 14 июля 1500 г. на р. Ведроши рать воеводы Юрия Захарьича Кошкина и пришедшая ему на помощь «тверская сила» князя Д.В. Щени наголову разгромила литовское войско под началом гетмана князя К. Острожского.

В отечественной историографии принято вслед за С. Герберштейном подчеркивать большое значение этой битвы, однако, соглашаясь с такой ее оценкой, как это сделал, к примеру, Ю.Г. Алексеев, или не соглашаясь, как И.С. Голицын³, отметим, что на судьбе Смоленска, который был, пожалуй, важнейшей целью этой войны, блистательная победа на Ведроши не сказалась никак. Казалось бы, после разгрома гетмана Острожского дорога на Смоленск была открыта, однако ни в 1500, ни в 1501 гг. русские полки к его укреплениям так и не подошли. Создается впечатление, что Иван III не ожидал, что война начнется вот так — с ошеломляющей победы, и не был готов развить успех дальше. А, может, зная о мощи смоленских фортификационных сооружений, он решил не испытывать судьбу и, опасаясь смазать эффект от ведрошской победы, предпочел действовать наверняка.

Так или иначе, но впервые о походе на Смоленск Иван III заявил лишь осенью 1500 г., когда в «памяти» своему посланнику в Крыму И.Г. Мамонову он писал, что намеревается, «даст Бог», «послать своих воевод со многими людьми по первому пути, как снег ляжет, к Смоленску и к иным местом к литовским»⁴.

Однако тогда своего обещания московский государь не выполнил. Почему? Позднее он так объяснял своему союзнику, крымскому хану Менгли-Гирею I, отмену намеченного было похода — его ратные люди, без перерыва «воевавшие» Литву на протяжении лета и осени 1500 г., устали, да еще и потому, что с наступлением зимы «снего выпали велики, да и корму коньского от Смоленска мало, не

на чем многим людям стоять городов доставати»⁵. В конечном итоге неважно, эти ли причины или какие-то другие привели к тому, что июльский успех 1500 г. не был развит. Значение имеет другое — набранный было темп был утрачен, в войну на стороне литовцев вступил Ливонский орден, открыв тем самым «второй» фронт. Блестяще начатая война грозила перерасти в затяжной и изнурительный конфликт, что явно не входило в планы Ивана III, озабоченного множеством внутренних проблем.

Стремясь переломить изменившийся не в лучшую сторону ход войны, в кампанию 1502 г. московский великий князь решил, наконец, нанести удар по Смоленску. Но прежде чем перейти к описанию этого похода, несколько слов об источниках и историографии вопроса.

Русские источники по истории кампании 1502 г. и осады Смоленска достаточно четко делятся на три основные группы. Это летописи, разрядные книги и дипломатические документы. К сожалению, их информативность неравнозначна. Разрядные книги, что официальный «государев разряд», что частные, составлялись задним числом⁶ со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно полноты и точности внесенной в них информации. В итоге все они дают лишь самое общее представление о смоленской кампании 1502 г.⁷

Увы, немногим более информативны и русские летописи. В большинстве летописных списков известия о кампании 1502 г. очень кратки⁸. Правда, в некоторых летописях содержатся указания на даты «отпуска» Дмитрия Ивановича с ратью к Смоленску и его возвращения в Москву, что позволяет уточнить хронологию похода⁹. Особняком стоит достаточно подробный рассказ о кампании 1502 г. на смоленском направлении в Типографской летописи¹⁰.

Дополняют летописные свидетельства и сведения, что можно почерпнуть из разрядных книг, материалы дипломатической переписки Ивана III с его союзником, крымским ханом Менгли-Гирсеем I¹¹.

Столь же неравнозначны и свидетельства с «той» стороны. Польские хроники (Б. Ваповского, М. Меховского, М. Кромера и, более поздние, М. Бельского и М. Стрыйковского) весьма лаконичны и немногословны в описании событий 1502 г. под Смоленском¹². Поэтому большой интерес представляет переписка великого князя литовского Александра Казимировича¹³. И в заключение

отметим, что на фоне польских и даже русских хроник в лучшую сторону своей обстоятельностью (относительной, конечно) выделяется так называемая «Хроника Быховца»¹⁴.

Теперь несколько слов об историографии вопроса. В дореволюционной исторической литературе поход 1502 г. не нашел должного отражения. Так, в энциклопедической по объему материала «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева ему уделено всего лишь одно предложение¹⁵. Не очень популярной была эта тема и в советской историографии — в большинстве работ, так или иначе затрагивавших историю внешней политики Ивана III и его войн, смоленская неудача 1502 г. упоминалась коротко, в нескольких словах или строках¹⁶.

Не слишком изменилось положение и в постсоветское время. Первая осада Смоленска оказалась в тени победного для полков Ивана III сражения на Ведроши и ливонских походов 1501–1502 гг.¹⁷ Правда, Ю.Г. Алексеев в своей последней работе по истории походов Ивана III подробно остановился на событиях лета — осени 1502 г. на смоленском направлении¹⁸. Интересную трактовку событий под Смоленском летом — осенью 1502 г. сообщает М.М. Кром¹⁹. Одним словом, появился интерес к изучению истории как войны 1500–1503 гг., так и кампании 1502 г. Сделаем и мы свой скромный вклад в изучение тех далеких событий.

Не останавливаясь подробно на характеристике смоленских фортификационных сооружений²⁰, отметим лишь, что современники сходились на том, что Смоленск был для своего времени «крепким орешком». Так, Иоасафовская летопись отмечала, что Смоленск «град же имае твердость, стремнинами гор и холмов высоких же затворено и стенами великими укреплено...»²¹. К этому дополнения, но и в силе духа ее защитников. В нашем случае (при том, что литовский гарнизон Смоленска в кампанию 1502 г. был немногочислен — согласно данным белорусского историка Ю.М. Бохана, под началом смоленского наместника Ст. Кишки находилось 7 пешеходных рот общей численностью по спискам 803 пехотинца и 27 всадников²²) — смоленской шляхты и смоленских мещан. Великие литовские князья помнили об этом, и постарались как можно прочнее привязать смолян к себе, выдав городу несколько грамот и привилеев, закреплявших особый статус Смоленска. Поэтому обращение князя Александра Казимировича к жителям Смоленска в

1493 г. с надеждой, что в случае войны с Москвой его верные подданные ему послужат и «замок наш Смоленск в целости будет захован»²³, не осталось втуне.

Однако в Москве полагали, что превосходство в силах и в особенности в артиллерии позволит успешно разрешить все трудности, и еще зимой 1501–1502 гг. начали готовиться к походу. Посылая 3 марта к Менгли-Гирею сына боярского А. Заболотского, Иван III передал с ним грамоту, в которой сообщал хану, что он намерен «воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Неметскую послать часа того, да и детей своих хотим оже даст Бог отпустить, и сами оже даст Бог всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги дело свое делати, сколько нам Бог пособит»²⁴. При этом великий князь выражал надежду, что его союзник не останется в стороне от предпринимаемого большого похода и если сможет, тоже отправится воевать Литву²⁵.

Спустя некоторое время план наступления на Смоленск стал приобретать зримые очертания. Заметим, что, по мнению Ю.Г. Алексеева, попытавшегося, опираясь на противоречивые свидетельства разрядных книг, реконструировать сущность этого плана, Иван и его штаб задумали одновременное наступление на Смоленск с трех сторон – с северо-запада («сила новгородская»), востока (главные силы русского войска под началом сына великого князя Дмитрия Жилки) и северо-востока («тверская сила»)²⁶. Однако, на наш взгляд, такая реконструкция представляется ошибочной, поскольку с трудом, а то и вовсе не согласуется с показаниями летописей и, что самое важное, польских источников. Прежде всего это касается «силы новгородской». Увести с собой большую и лучшую часть новгородских ратников в момент, когда можно было ожидать нового вторжения ливонцев, было бы глупо, и вряд ли Иван III, осторожный и расчетливый стратег, пошел бы на такой чрезмерный риск.

Столь же проблематичным представляется и участие, во всяком случае, на первом этапе смоленской осады, «тверской силы». Этого не скажешь об участии служилых князей, недавно перешедших на службу Ивана III. Из переписки Александра Казимировича следует, что это были И.М. Воротынский, М.Р. Мезецкий, В.И. Шемячич и С.И. Можайский, а также, возможно, С.Ф. Воротынский²⁷.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении сведений, мы полагаем, что план Ивана III заключался в следующем. Отказавшись от организации крупномасштабного наступления на

северо-западном направлении, но сохранив там достаточно сильную группировку войск на случай, если ливонцы попытаются выступить, великий князь решил нанести главный удар на Смоленск. Он справедливо полагал, что взятие этого стратегически важного города позволит ему завершить войну. Действия Менгли-Гирея против союзника Александра Казимировича хана Большой Орды Шейх-Ахмеда позволяли Ивану рассчитывать, что с юго-востока его владения будут в безопасности. Поэтому полки северских и верховских князей могут быть направлены против Литвы с задачей обеспечить беспрепятственное выдвижение к Смоленску главных сил московского войска. «Тверская сила», как можно предположить, по замыслу государя всяя Руси должна была послужить стратегическим резервом и могла быть брошена в пужный момент или против ливонцев, или на помощь осаждающей Смоленск рати.

Боевые действия в 1502 г., судя по всему, начались с серьезной задержкой. Причиной тому была необычайно суровая зима и холодная затяжная весна²⁸. Начинать поход до того, как просохнут дороги и не взойдет первая трава, было бессмысленно. В итоге В.И. Шемячич «со товарищи» выступил на Смоленск лишь во 2-й половине мая 1502 г. и, как писал 9 июня того же года великий литовский князь, в первых числах июня их передовые отряды под началом 4-х служилых князей появились в окрестностях города²⁹. Смоленскому наместнику пану Станиславу Кишке пришлось спешно готовиться к осадному «сидению». В предстоящем испытании ему приходилось рассчитывать только на свои не очень многочисленные силы, ибо мобилизация литовских войск запаздывала. Как отмечал польский историк Т. Коржон, Александр не имел под рукой сколь-нибудь значительного войска, с которым можно было немедленно выступить навстречу русским³⁰, сбор посполитого рушения требовал немалого времени, а соглашение с ротмистрами о дополнительном найме жолнеров завершилось лишь к середине июня и когда еще наемные роты смогут приступить к боевым действиям!³¹ Одним словом, русские имели неплохую фору, однако выступление главных сил московской рати состоялось лишь в середине июля. Очевидно, Иван III попридержал полки, собранные еще в мае, ожидая вестей из степи – как там развивалось противостояние между Шейх-Ахмедом и Менгли-Гиреем.

Благоприятные вести пришли в конце июня³², и московская военная машина наконец заработала, ее колеса стали вращаться все

быстрее и быстрее. Спустя 4 дня после появления в Москве гонца с новостями с юга, 2 июля 1502 г. в поход выступили авангарды главной рати. 14 июля великий князь проводил из подмосковного села Воронцово, что на Калужской дороге, своего сына Дмитрия «да воевод своих, князя Василия Даниловича Холмского да Якова Захарыча, и иных воевод своих и многое множество воинства, да и посошные с ними были» «с пушками, и со всеми приправами на добывание замков»³³.

К сожалению, точных данных о численности рати, отправившейся добывать Смоленск, нет. Можно лишь представить, опираясь на косвенные данные, сколько ратных людей могло отправиться с Дмитрием Жилкой в этот поход. Всего под Смоленск ушло 5 полков – большой, передовой, правой и левой рук и сторожевой. Без В.И. Шемячича, который, как было показано выше, уже был под Смоленском, полками командовали 15 воевод³⁴. Согласно грамоте, отправленной 5 августа вместе с литовскими послами от Александра Казимировича его брату кардиналу Фредерику, временно управлявшему Польшей, 4-тысячный отряд московитов во главе с князем Можайским приближался к Полоцку³⁵. Однако С.И. Стародубский (Можайский) был 1-м воеводой передового полка, и логично было бы предположить, что 4 тысячи людей – это весь усиленный лучшими людьми от других полков передовой полк. Всего же, по аналогии с другими походами начала XV в., можно предположить, что в войске Дмитрия Жилки насчитывалось до 13,5–15 тысяч детей боярских и их послужильцев, несколько тысяч «срубленных» с городов пичальников и артиллерийской прислуги – в любом случае не более 20 тысяч. Кроме того, рать сопровождало и множество небоевого элемента – коневых, посошных (на плечи которых легли все саперные работы во время осады, ремонт дорог, мостов и пр.) и др.

Вся эта масса людей, лошадей, телег со всевозможными большими и малыми артиллерийскими орудиями и ручницами, ядрами, «зельем», провиантом, фуражом, лагерным и необходимым для ведения осады (туры, фашины, мешки, саперный инструмент и т.д., и т.п.) имуществом медленно, с трудом преодолевая раскисшие от непрерывных дождей дороги³⁶, двигалась к Смоленску.

В первых числах августа 1502 г. рать Дмитрия вышла на непосредственные подступы к Смоленску, о чем свидетельствовал Александр Казимирович³⁷. Стоявшие ранее в окрестностях города

служилые князья вместе с передовым полком двинулись дальше на запад. Как позднее наказывал передать Менгли-Гирею Иван III, пока его сын стоял под Смоленском, «люди... ходили да землю воевали: город <...> Оршу изгнали и выграбили и волости все и за Мстиславль по Березыню и по Видбеск и по Двину выграбили и выжгли и людей в полон ввели, а Витебска посады пожгли...»³⁸. Главные силы в 20-х числах августа подошли вплотную к Смоленску, загнали жолнеров Кишки и смоленских бояр в город³⁹, обложили его плотным кольцом и приступили к осадным работам. Как сообщала литовская «Хроника Быховца», московиты, пребывая под Смоленском, «воевали на все стороны, а город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали, и за великими турами, насыпаячи песком и землею, невымовные штурмы на него чинили»⁴⁰. Очевидно, что, окружив город, ратники Дмитрия Жилки и посоха возвели батареи, заложили траншеи и под прикрытием непрерывной канонады, «лучного боя» и стрельбы из ручниц стали приближаться шаг за шагом к городскому рву, готовясь к последнему броску.

Смоляне, однако, упорно держались, рассчитывая на помощь великого литовского князя Александра Казимировича. Проходил день за днем, а все усилия русских воевод оставались втуне – никаких признаков того, что осажденные готовы сложить оружие и открыть ворота, не было. Тем временем великий литовский князь, пытаясь выиграть время, предложил Ивану III начать мирные переговоры. Иного выхода у него пока не было – сильную полевую армию собрать никак не получалось. Естественно, что Иван III ухватился за такую возможность закончить войну. Однако, желая вместе с тем обрести лишний козырь в дипломатической игре, 27 августа он отправил в лагерь Дмитрию Жилке дьяка Ивана Телешова. Дьяку было приказано передать князю отцовский наказ «города бы есте Смоленска доставали, и дело наше и земское делали, посмотря по делу, как вас Бог вразумит и как вам Бог поможет»⁴¹. Вместе с тем Иван III накрепко наказывал сыну вести себя осмотрительно и в случае, если смоляне будут «сидети крепко» или, паче того, появятся известия о том, что великий князь литовский наконец-то высылает войска на помощь осажденным, немедленно известить его – неудача на подступах к Смоленску могла иметь чрезвычайно негативные последствия для хода переговоров. Поэтому великий князь и требовал от сына осторожности, обещая в случае

необходимости немедленно прислать помощь — в готовность были приведены свежие полки во главе с другим сыном Ивана, Василием, и татары, касимовские и казанские⁴². И можно с высокой степенью уверенности предположить, что вслед за гонцом к Смоленску отправилась «изо Ржевы в Литовскую землю воевать» «тверская сила», 5 полков во главе с князьями М.И. Булгаковым и А.Ф. Голениным (7 воевод, до 4–4,5 тысяч ратников)⁴³.

К моменту прибытия под Смоленск свежих сил и великокняжеского дьяка с посланием от Ивана III (а это случилось в первых числах сентября) ситуация снова изменилась. По слухам выходило, что Александр вроде бы наконец-то собрал 35-тысячное войско, которое стоит в Луцке, а сам великий литовский князь с 4-тысячным отрядом расположился в Новгороде и часть своих людей послал к Смоленску⁴⁴. Правда, в лагере осаждающих еще не знали о том, что Менгли-Гирей, исполняя свое обещание, в середине августа отправил в набег на Литву двух своих сыновей, Фетх-Гирея и Бурнаш-Гирея, с немалым войском (порядка 10 тысяч всадников)⁴⁵. В первых числах сентября «царевичи», как позднее писал Ивану хан, «со мною ратью двема дорогами поехали, один на Литовскую землю Островские города прошед полтретьятцать день ходил и воевал и зажитал и много полону взяв, добр здоров воротился; а меньшей мой сын, лятцкая была рать к королю пошла, и он встретив, за тою ратью погопил, до Кракова города десять миль не дошед, воротился и много городов разорив и много полону взяв, добр здоров приехал». К тому же и молдавский господарь Стефан, родственник Ивана III, захватил, воспользовавшись затруднительным положением Александра Казимировича, снорские земли в Поднестровье⁴⁶. Так что великому литовскому князю было не до посылки сколько-нибудь серьезной помощи смолянам и оставалось надеяться только на то, что Смоленск выстоит своими силами.

Однако, подчеркнем это еще раз, под Смоленском об этом еще не знали, а сосредоточение под его валами многотысячного войска создавало для русского командования множество проблем. Осада затягивалась, лагерь осаждающих утопал в грязи, начались болезни и проблемы со снабжением. Это и немудрено, поскольку смоленская округа, где с начала лета шли боевые действия, к сентябрю была выжжена и опустошена дотла. Доставить же провиант, фураж, «зелье» и ядра из Москвы в условиях «безнуты» становилось все сложнее и сложнее. Иван потираливал Дмитрия и его воевод,

требуя ускорить разрешение смоленского «вопроса».

Испытывая давление со стороны «ставки» (термин Ю.Г. Алексеева) и понимая, что дальнейшее затягивание осады будет только способствовать истощению сил русского войска, Дмитрий Жилка решился штурмовать Смоленск. По его приказу 16 сентября русские полки пошли на приступ, но были отражены. При этом, как сообщали торжествующие победители Александру Казимировичу, был убит один из русских воевод, командовавших штурмом, по имени Палецкий (вероятно, речь шла о 1-м воеводе сторожевого полка «тверской силы» князе Ф.И. Палецком, который, правда, погиб спустя 4 года под Казанью⁴⁷, а здесь, следовательно, был ранен) и разбита одна из русских «бомбард»⁴⁸.

Неудача была крайне болезненна, а тут еще из-под Орши, занятой русскими, в лагерь Дмитрия прибежали беглецы. Они сообщили, что жемойтский староста Станислав Яновский неожиданно объявился под городом, атаковал русских и разбил их, заставив оставить город. Выходило, что в Полоцке стоит большая литовская рать (сам литовский князь писал, что в Полоцке стоят 1 тысяча конницы и 5 тысяч пехоты⁴⁹), намеревавшаяся перейти в контрнаступление и деблокировать осажденный Смоленск⁵⁰.

Все эти новости в конечном результате привели к тому, что Дмитрий Иванович, посоветовавшись с воеводами, отдал приказ начать отступление. 17 сентября русские снялись со своих позиций, свернули лагерь и начали отступление, «граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села новоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно»⁵¹. Главные силы с Дмитрием прибыли в Москву спустя почти месяц, 23 октября⁵², но часть рати осталась в «Литовской земле» и дальше ее «воевать». Можно предположить, что это были полки В.И. Шемячича «со товарищи»⁵³.

Итак, первая попытка взять Смоленск закончилась болезненной неудачей. Объясняя ее причины, Дмитрий доложил отцу, что он потерпел поражение из-за того, что де «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушания». Разгневанный Иван беспощадно расправился с ослушниками, повелев многих из них казнить, бить кнутом на площади или кинуть в тюрьму⁵⁴. Но очевидно, что не в этом крылась главная причина неудачи, и не в слабости московской артиллерии, как полагали, например, К.В. Базилович и А.А. Зимин

(на ошибочность этого предположения указывал М.М. Кром)⁵⁵. Первая осада Смоленска наглядно продемонстрировала всю сложность этого предприятия и те проблемы, которые нужно будет решать в случае новой осады — как взломать действительно мощнейшие по тем временам укрепления Смоленска и как решить проблему снабжения осаждающих войск. И последняя являлась едва ли не самой сложной. Вряд ли случайно Иван III подчеркивал в сношениях с крымским ханом Менгли-Гиреем именно это обстоятельство, отписывая союзнику, что его сын «Смоленска не взял затем, что <...> пришла великая рать, ино корму не стало, не на чем было стояти города доставати»⁵⁶.

Вместе с тем русскими был получен и определенный положительный опыт. Первая осада, длившаяся более чем 3,5 месяца, показала, что смоляне могут рассчитывать только на свои силы. За все это время великий литовский князь так и не смог собрать значительную полевую армию, которая могла бы решиться на деблокаду осажденного города. Однако силы горожан явно были не беспределельны, и можно было рассчитывать измотать их, не прекращая боевых действий на протяжении столь длительного времени, сколько потребуется для того, чтобы уставшие от военных тягот и разочаровавшиеся в своем сюзерене смоляне сами открыли ворота города перед воеводами московского князя. Одним словом, при определенных условиях тактика измора могла оказаться более эффективной, чем лобовой штурм города. И, как показали дальнейшие события, именно такой подход позволил русским в конце концов взять Смоленск.

⁵¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487 по 1533 год) // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее СБРИО). Т. 35. СПб., 1882. С. 460; Там же. Т. II (1533-1560) // СБРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 576-577.

⁵² Мальцев В.П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки. Вып. 8. М., 1940. С. 73.

⁵³ См.: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 391; Голицын П.С. Русская военная история. Ч. II. СПб., 1878. С. 89.

⁵⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. // СБРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 338.

⁵⁵ Там же. С. 343.

⁵⁶ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 79.

⁵⁷ См.: Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по

1565 г.). М., 1901. С. 31-32; Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С. 34; Разрядная книга 1475-1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 69-70.

⁵⁸ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 369. Ср.: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 296; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 197; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 144; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 373; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 257; Русский хронограф // ПСРЛ. М., 2005. С. 515; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Ч. II. СПб., 1913. С. 576.

⁵⁹ См., например: Вологодская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 173; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 242; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 256.

⁶⁰ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 214-215.

⁶¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. С. 423-425, 433, 434, 439, 451, 452, 453-454, 461, 532. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 335.

⁶² Kronika Polska Marcina Bielskiego. Warszawa, 1830. P. 71; Kronika Polska Marcina Kromera. T. II. Krakow, 1882. P. 1355-1356; Mathias de Mechovia. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521. P. CCCLXIV; Kronika polska, litewska, zimodzka I wszyskciej Rusi Macieja Strykowski. Warszawa, 1846. P. 317; Croniconum Bernardi Vapovii // Scriptores rerum poloniarum. T. II. Cracoviae, 1874. P. 50-51.

⁶³ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. (1501-1506) // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XIX. Cracoviae, 1927. P. 99-102, 124, 128, 140, 152, 157, 162, 165.

⁶⁴ См.: Западнорусские летописи. Список Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 562.

⁶⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 112.

⁶⁶ См., например: Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001. С. 439-440; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1972. С. 191-192.

⁶⁷ См., например: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 46.

⁶⁸ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426-430.

⁶⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 207-209.

⁷⁰ О смоленских укреплениях начала XVI в. см., например: Саножников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596-1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 50-79.

⁷¹ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 161. Ср., например: Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 325.

⁷² Бохан Ю.М. Наемная войска у Вялікім княстве Літоўскім у XV-XVI стст. Мінск, 2004. С. 14.

⁷³ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее АЗР). Т. I. 1340-1506. СПб., 1846. С. 216.

⁷⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крым-

кой и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 383.

²⁵ Там же. С. 384.

²⁶ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426–427.

²⁷ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 100, 124.

²⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 414, 419.

²⁹ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 100.

³⁰ Korzon T. *Dzieje wojen I wojskowosci w Polsce*. T. I. Lwow-Warszawa-Krakow, 1923. P. 253.

³¹ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 101–102.

³² Там же. С. 420.

³³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 368; Т. XVII. С. 562. Т. XXIV. С. 214. Т. 37. С. 173.

³⁴ Милюков Н.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. С. 31–32; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 34. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 69–70.

³⁵ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 124.

³⁶ О погоде, стоявшей летом и осенью 1502 г., см.: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.

³⁷ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 128.

³⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 439, 461.

³⁹ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 140.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XVII. Стб. 562.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. С. 335.

⁴² Там же. С. 335.

⁴³ Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 72.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 433, 452.

⁴⁵ Там же. С. 432, 452.

⁴⁶ Там же. С. 469.

⁴⁷ См.: Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 680.

⁴⁸ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* P. 165.

⁴⁹ Ibid. P. 153.

⁵⁰ Ср.: *Kronika Polska Marcina Kromera*. T. II. P. 1355–1356.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 214–215; Т. 37. С. 173.

⁵² Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 369.

⁵³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 439, 454.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.

⁵⁵ См.: Базилевич К.В. Указ. соч. С. 440; Зимин А.А. Указ. соч. С. 192; Кром М.М. Указ. соч. С. 209.

⁵⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I. С. 439.